

**ДЕНЬ,
КОГДА ЛЮДИ
РАЗУЧИЛИСЬ**

ПЛАТФОРМА

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

День, когда люди разучились лгать

«Автор»

2026

Игнатов И.

День, когда люди разучились лгать / И. Игнатов — «Автор»,
2026

Однажды утром Дэн понимает, что больше не способен лгать. Вскоре выясняется: это произошло со всеми. Супруги говорят друг другу то, что годами скрывали. Учителя больше не могут успокаивать детей привычными словами, продавцы — обманывать покупателей, а чиновники — прятаться за удобными формулировками. Прямые эфиры превращаются в допросы, признания разрушают семьи, и город охватывает паника. Когда ролик дочери Дэна становится вирусным, семья оказывается в центре всеобщего внимания. Их адрес уже известен, у дверей собираются незнакомцы, а спрятаться невозможно — ведь теперь нельзя обмануть преследователя или успокоить ребёнка пустым обещанием. Как защитить близких в мире, где никто больше не лжёт? Напряжённый социальный триллер о цене абсолютной честности и о том, почему правда сама по себе не делает людей лучше.

© Игнатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Температура	6
Глава вторая. Контур	10
Глава третья. Урок	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Игнатов

День, когда люди разучились лгать

ДЕНЬ, КОГДА ЛЮДИ РАЗУЧИЛИСЬ ЛГАТЬ

роман

Глава первая. Температура

Дэн проснулся от того, что в спальне кто-то очень тихо поставил стакан на тумбочку.

Он сначала подумал, что это Мия. У неё была привычка ставить вещи на самый край, будто любая поверхность существовала только для того, чтобы её проверить. Но стакан стоял ровно, на блюде, рядом с таблеткой в серебряной упаковке. Так делала Ева.

В комнате было серо. За окном ранний Лиар мок от ночного дождя: стекло в разводах, крыши блестят, на остановке напротив никого. Дэн лежал, чувствуя, как простыня липнет к спине. Голова была тяжёлая, в горле саднило, как после слишком долгого разговора на холоде.

Ева стояла в дверях в домашних брюках и старой синей кофте, которую надевала только тогда, когда не собиралась никого видеть. В руках у неё был телефон. Экран погас, но она всё равно держала его так, будто он мог снова заговорить.

— Температура тридцать восемь и восемь, — сказала она. — Ночью было выше.

— Красиво живём, — прохрипел Дэн.

— Тебе смешно?

— Нет. Я просто не придумал ничего умнее.

Ева кивнула. Она не улыбнулась, но и не стала продолжать. В их доме это считалось почти милостью.

Дэн сел слишком быстро. Комната качнулась, выпрямилась. Он взял стакан, отпил. Вода оказалась тёплой.

— Почему ты вчера так поздно вернулся? — спросила Ева.

Вопрос прозвучал так буднично, что Дэн сначала не понял, почему у него по коже пошли мурашки.

— Смена в «Контуре» затянулась, — сказал он.

Ничего не сказал.

То есть воздух из него вышел, губы сложились как надо, даже язык шевельнулся. А фразы не было. Она не сорвалась, не захрипела, не застряла на середине — просто не случилась.

Ева чуть наклонила голову.

— Что?

— Я... Смена...

Он попробовал ещё раз. Слово «смена» вышло, слово «затянулась» — нет. Как будто у него отняли не голос, а право ставить эти два слова рядом.

Ева медленно опустила телефон.

— Ты был с другой женщиной?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Чётко. Даже слишком чётко.

Они оба замерли.

— Нет? — переспросила Ева.

— Нет.

— Ты уверен?

— Да.

Дэн смотрел на собственные руки. На правом большом пальце ещё сидела тонкая полоса чёрной грязи — вчера разгружал паллету с садовыми решётками и не отмыл до конца. Ему хотелось зацепиться взглядом за эту грязь, за стакан, за любую вещь, которая не ждала ответа.

— Тогда где ты был? — спросила Ева.

Он хотел сказать «не знаю». Это была его самая удобная фраза. Не грубая, не обещающая, почти честная на слух. Он знал, где был, но не хотел разбирать это на части.

— В машине, — сказал он.

— Где?

— Возле дома.

— Сколько?

— Час. Может, больше.

Ева села на край кресла у окна. Не потому, что устала. Дэн это понял по тому, как она поставила локти на колени: будто ей нужно было держать себя руками.

— Ты сидел в машине у нашего дома больше часа? — спросила она.

— Да.

— Зачем?

Он закрыл глаза.

— Потому что не хотел подниматься.

В коридоре что-то скрипнуло. Дэн обернулся. В дверях стояла Мия, босая, с подушкой под мышкой. Её тёмные волосы торчали в разные стороны, а лицо было слишком внимательным для половины седьмого утра.

— Вы опять ругаетесь? — спросила она.

— Нет, — автоматически сказала Ева.

Слово не вышло.

Ева моргнула. Мия перевела взгляд с матери на отца.

— А, — сказала она.

Это «а» оказалось хуже любого вопроса.

Из гостиной доносилась музыка утреннего телеканала. Кто-то оставил телевизор включённым ночью. Под бодрую заставку ведущий рассказывал о пробках, температуре воздуха и странных жалобах на жар, которые приходили из разных районов. У него был загорелый лоб и белая улыбка человека, которому платят за спокойствие.

— ...но оснований для беспокойства нет, — сказал он.

Музыка продолжала играть. Сам ведущий — нет.

Он замер с улыбкой, словно ждал подсказки в ухе. Рядом с ним женщина в оранжевом пиджаке повернулась к нему.

— Нори?

Ведущий сглотнул.

— Оснований для...

Он попробовал улыбнуться шире. Не получилось.

На экране мелькнул чёрный квадрат, затем пошла реклама стирального порошка. Молодая женщина в белой футболке подняла коробку и сказала:

— Я не могу подтвердить, что пользуюсь этим средством. Мне заплатили, чтобы я держала коробку.

За кадром кто-то выругался.

Мия фыркнула. Быстро прикрыла рот ладонью, но Дэн всё равно услышал.

— Это не смешно, — сказала Ева.

— Я знаю. Просто она сказала правду про порошок.

— Мия.

— Что? Она же сказала.

Ева опустила взгляд на телефон. В черновике сообщения кому-то из родни стояло: «У Дэна просто температура». Она хотела дописать: «Ничего серьёзного». Палец нажал на букву «н», но буква не появилась. Ева стёрла черновик целиком.

Дэн хотел попросить дочь не продолжать. Хотел сказать, что сейчас никто не знает, что происходит, и ей не надо пугаться. Последняя часть не вышла бы, он понял это ещё до того, как открыл рот.

Зазвонил его телефон. На экране светилось: Хадо, «Контур».

— Возьми, — сказала Ева.

Дэн нажал на зелёную кнопку.

— Ты где? — спросил Хадо так, будто стоял рядом. На заднем плане слышались голоса, писк погрузчика и чей-то надрывный смех.

— Дома. С температурой.

— Отлично. Значит, живой. Ты можешь приехать?

— Не знаю.

Это прозвучало. Потому что он правда не знал.

— У нас очередь у дверей, — сказал Хадо. — Люди звонят и спрашивают, есть ли ещё замки. Потом спрашивают, лучший ли замок. Потом молчат. И я не понимаю, что им отвечать.

— Скажи, что есть, что нет.

— Я так и сказал. Теперь они едут сюда.

Дэн провёл ладонью по лицу.

— Я буду через сорок минут.

— Это точно?

— Да.

Ева смотрела на него, пока он одевался. Мия сидела на кухонном табурете, прижав колени к груди. На её телефоне один за другим вспыхивали сообщения из школьного чата. Ни одного она не открывала.

— Ты ведёшь уроки? — спросил Дэн у Евы.

— Директор написал, что школа работает.

— Он смог это написать?

— Он написал: «Школа постарается работать». Потом удалил. Потом написал: «Приходите, кто сможет».

— И ты пойдёшь?

Ева поправила ремень сумки.

— Я учительница. Я обычно иду, когда не понимаю, что делать.

Мия подняла голову.

— А я?

Ева замерла.

— Ты пойдёшь со мной. Не к тебе в класс, конечно. Просто... со мной до школы.

— Мне двенадцать.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто мне пять?

Ева открыла рот. Потом закрыла. Наконец сказала:

— Потому что я испугалась. Это не имеет отношения к твоим годам.

Мия долго смотрела на неё, а потом кивнула.

В прихожей Дэн застёгивал куртку. Ева подошла близко, взяла его за рукав.

— Ты вчера не хотел домой из-за меня? — спросила она.

Он мог бы промолчать. Мог бы сказать, что не хочет сейчас говорить. Это хотя бы было правдой.

— Не только из-за тебя, — сказал он. — Из-за всего.

— Это удобный ответ?

— Нет. Просто пока весь.

Ева отпустила рукав.

— Ладно.

Она не сказала «разберёмся вечером». Он не сказал «я вернусь». Они оба заметили это, но сделали вид, что не заметили.

На улице было холоднее, чем казалось из окна. Дэн сел в машину, включил печку и увидел в зеркале, как Ева ведёт Мию к остановке. Мия что-то говорила, махая рукой; Ева слушала, наклонив голову. Обычная картина. Настолько обычная, что у Дэна сжало горло.

Он выехал со двора и почти сразу попал в пробку. У аптеки стояла очередь. У супермаркета — ещё одна. На большом экране над перекрёстком застыл рекламный ролик: мужчина в каске держал дрель и беззвучно улыбался. Под ним горела надпись: «НАДЁЖНО. НАДОЛГО. ДЛЯ ВАШЕГО ДОМА».

Дэн смотрел на неё, пока не загорелся зелёный.

Потом поехал в «Контур».

Глава вторая. Контур

Утром «Контур» пах опилками, мокрыми куртками и чем-то металлическим, хотя Дэн не мог понять, чем именно. Может, это был страх. Страх в строительном магазине всегда пах железом: замками, цепями, дверными доводчиками, коробками с саморезами.

На парковке почти не осталось мест. Люди ставили машины на газоне, возле тележек, поперёк разметки. У входа стояла очередь, хотя магазин открылся меньше часа назад. Кто-то держал в руках распечатанный список, кто-то снимал фасад на телефон, одна женщина тащила ребёнка за рукав так быстро, что тот едва успевал переставлять ноги.

Хадо встретил Дэна у турникета. Его рубашка была расстёгнута на одну пуговицу ниже обычного, а бейдж висел боком.

— Ты правда приехал, — сказал он.

— Я же сказал, что приеду.

— Сегодня это почти характеристика.

— Что у нас?

Хадо посмотрел в сторону входа.

— Люди хотят замки. Потом хотят, чтобы мы объяснили, какой замок остановит человека, который очень хочет войти. Ещё берут фонари, фанеру, генераторы, канистры. Один спросил, продаём ли мы окна без стекла. Я сказал, что нет. Он спросил, можем ли сделать.

— И что ты ответил?

— Что нет. Это, кажется, было неправдой: мы можем, если очень постараемся.

— Тогда не говори «нет», если не уверен.

— Спасибо, Дэн. Обучение в первый день конца света — именно то, чего мне не хватало.

Дэн посмотрел на электронную доску у входа. Обычно там бежали акции: «Три по цене двух», «Лучшее для сада», «Спросите консультанта». Теперь буквы стояли неподвижно, как сломанный светофор. На экране висела старая фраза: «МЫ ВСЕГДА РЯДОМ».

Рядом на самом деле стояли двести человек.

— Отправь меня к замкам, — сказал Дэн.

— Уже отправил. И ещё к генераторам. И к крепежу. Ты сегодня везде.

— Как обычно.

— Нет. Обычно ты хотя бы врёшь, что успеешь.

Дэн хотел огрызнуться, но не стал. Хадо не улыбался. Он повернулся и быстро пошёл к кассам.

Отдел замков располагался в дальнем правом углу. Дэн знал его наизусть: цилиндры, навесные замки, защёлки, дверные цепочки, глазки, комплекты для гаражей. В обычный день покупатели долго выбирали между двумя одинаковыми коробками, спрашивали, подойдёт ли броненакладка к двери в доме 1978 года, жаловались, что цена на ключи выросла. Дэн любил этот отдел именно за повторяемость. Любой страх здесь можно было превратить в конкретный размер, конкретный артикул, конкретную цену.

Сегодня конкретика не помогала.

Перед стеллажом стоял мужчина в куртке для рыбалки. В руках он держал коробку с замком «Север-4».

— Этот хороший? — спросил он.

— Хороший, — сказал Дэн по привычке.

Слово не вышло.

Мужчина прищурился.

— То есть?

Дэн взял коробку, повернул её, прочитал характеристики, которые знал и без чтения.

— Он лучше обычного для деревянной двери. Если дверь тонкая, можно усилить пластиной. Если в раме плохой крепёж, замок мало что даст.

— Он защитит семью?

Вокруг них стало тише. Даже женщина, ругавшаяся на продавца в соседнем ряду, на секунду замолчала.

Дэн почувствовал, как в груди поднимается знакомая рабочая фраза: «Конечно, это один из самых надёжных вариантов». Он произносил её сотни раз. Она никому не вредила. Она помогала человеку уйти из магазина с ощущением, что он сделал что-то полезное.

— Он задержит дверь, — сказал Дэн. — Не больше.

Мужчина смотрел на него ещё секунду, потом положил в тележку четыре коробки.

— Мне нужно шесть, — сказал он. — У нас два входа и сарай.

— На сарай не надо четыре таких.

— Я не спрашивал, надо ли.

— Я знаю.

Мужчина покатиł тележку дальше.

Через десять минут к Дэну подошла пара с планом квартиры. План был распечатан на тонкой бумаге и уже успел намокнуть от чьих-то пальцев. Мужчина держал его двумя руками, женщина стояла рядом, скрестив руки на груди.

— Нам нужны замки на все двери, — сказал мужчина.

— На входную? — уточнил Дэн.

— На все.

— В спальни тоже?

— Да.

Женщина коротко посмотрела на него.

— Ты же говорил, что это для детей, — сказала она.

Мужчина побледнел.

— Ну... чтобы дети не ходили куда не надо.

— Нашему сыну пятнадцать. Куда он ходит «не надо»?

— Я не это имел в виду.

— А что?

Дэн видел, как мужчина смотрит на ряд замков, на коробки, на цифры на ценниках. Ему очень хотелось исчезнуть в отделе крепежа, где вопросы обычно звучали проще: какой диаметр, какая длина, сколько штук в упаковке.

— Я боюсь, что он узнает, — сказал мужчина.

Женщина перестала дышать.

— О чём?

— О том, что я взял деньги из его накоплений. На ремонт. Я собирался вернуть. Я хотел, чтобы он не заходил в кабинет, пока не верну.

— Ты хотел запереть от сына кабинет, потому что украл у него деньги?

— Я не украл. Я...

Слово «взял взаймы» не вышло. Мужчина сжал край плана так, что бумага порвалась.

Женщина повернулась к Дэну.

— А вы что смотрите?

— Я продавец, — сказал Дэн.

— Очень удачно.

— Я не знаю, какие замки вам нужны.

Она усмехнулась, но не зло.

— Знаете. Никакие.

Женщина ушла, не оглянувшись. Мужчина остался стоять ещё немного, потом положил план в корзину с уценёнными дверными ручками и пошёл за ней.

Дэн посмотрел им вслед. Раньше он мог бы продать им два комплекта, подобрать цилиндры, предложить установку. Вечером они бы заперли двери и, возможно, ничего не решили. Сейчас они ушли без товара, а Дэн не знал, стало ли от этого лучше или хуже.

— Тебе бы в семейную терапию, — сказала Рада, появляясь у него за спиной с тележкой коробок.

— Мне бы на обед.

— Иди. В кафетерии закончился суп, но есть булки, которые вчера были мягче.

— Это реклама?

— Нет. Предупреждение.

В кафетерии действительно остались только булки. За столом сидели двое грузчиков и спорили о том, можно ли теперь говорить покупателю, что шурпы одинаковые, если один набор всё-таки хуже другого. Дэн взял кофе из автомата. На экране автомата по привычке вспыхнуло: «ВАШ ИДЕАЛЬНЫЙ ВЫБОР». Потом буквы погасли, и аппарат выдал стаканчик с жидкостью цвета старого картона.

Дэн отпил.

— Ну? — спросила Рада.

— Горячий, — сказал он.

— Уже неплохо.

К полудню с полок исчезли почти все цепи. Низкие детские замки для шкафчиков покупали так же быстро, как тяжёлые навесные. Женщина в красном пальто принесла Дэну десять дверных глазков и спросила, можно ли смотреть через них наружу, не подходя к двери.

— Можно, если дверь уже закрыта, — ответил он.

— А если нет?

— Тогда вы уже смотрите не наружу.

Она недовольно усмехнулась, но глазки купила.

В отделе красок стоял пожилой мужчина с тележкой, в которой лежали две банки «Тихого вечера», три рулона малярной ленты и мешок цемента. Он был похож на человека, который просто зашёл закончить ремонт до дождей, а потом попал не в ту очередь.

— Молодой человек, — окликнул он Дэна. — Эта краска хорошая?

Дэн посмотрел на этикетку.

— Она нормально ложится на сухую стену. На влажной будет пятнить.

— А пахнет?

— Воняет так, будто подвалы красили.

Старик долго молчал. Потом сказал:

— Значит, крепкая.

И добавил в тележку ещё две банки.

Дэн бы засмеялся, если бы в этот момент не услышал крик у центрального прохода.

Там стоял Хадо на поддоне из-под плитки. Перед ним собралась толпа. У него в руке был мегафон, который он, кажется, нашёл в отделе сезонных товаров.

— Генераторов на складе осталось двадцать семь! — сказал Хадо.

Дэн замер.

— Хадо, — тихо сказал он, но мегафон сделал его тихий голос невозможным.

— Новых поставок сегодня не будет. Завтра — не знаю. Я не могу сказать, что товара хватит, потому что не знаю, хватит ли.

Никто не шевельнулся секунды три. Потом кто-то спросил:

— А если мы заплатим больше?

— Цена не изменится, — ответил Хадо.

Он осёкся.

Слова «не изменится» не вышли.

Толпа зашумела.

— Что значит, не изменится? — крикнула женщина с тележкой. — Вы уже хотите под-
нять?

— Я не хочу, — сказал Хадо. — Но я не решаю.

На его лице мелькнуло такое облегчение, будто он наконец признался в чём-то, что носил годами. Через минуту Дэн понял, что это было самое опасное облегчение, которое он видел.

Люди потянулись к генераторам. Двое мужчин схватили одну коробку с разных сторон. Один из них упал на колено, не выпуская ручку. Кто-то закричал, что надо вызывать охрану. Охранник стоял у входа и смотрел на свою рацию, как на сломанный игрушечный пистолет.

Дэн вытащил телефон. От Евы было одно сообщение.

В школе уже началось. Мия в порядке. Пока.

Он набрал: «Что значит началось?»

Пальцы зависли над экраном. Он стёр вопрос и написал другое.

Я буду на связи.

Это было не обещание. Просто намерение. Он отправил и тут же увидел, как у касс кто-то снимает происходящее на телефон.

К вечеру ролик из «Контура» разошёлся по городским чатам. На нём Хадо стоял на поддоне, бледный и маленький, а за его спиной мигала надпись: «МЫ ВСЕГДА РЯДОМ».

Дэн увидел это уже после смены, в подсобке. Под роликом кто-то написал: «Честный магазин». Другой ответил: «Пока не честный ценник».

Дэн выключил экран и пошёл искать свою куртку.

Глава третья. Урок

Ева не любила опаздывать. Даже когда ей было плохо, даже когда на улице шёл снег стеной, она приходила в школу раньше звонка и успевала сделать две вещи: включить чайник в учительской и открыть окна в классе. От запаха старых батарей, мокрых шарфов и чужих бутербродов в голове становилось яснее.

В тот день чайник уже кипел, но никто не пил чай.

В учительской сидели восемь человек. Обычно здесь одновременно обсуждали контрольные, детей, цены на овощи и то, что в спортзале снова течёт крыша. Сейчас все смотрели в телефоны. Директор Магда стояла у окна, не снимая пальто.

— Доброе утро, — сказала Ева.

Никто не ответил сразу.

Потом учитель физики поднял глаза.

— Оно точно доброе? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Ева.

— Наконец-то нормальный ответ, — пробормотала Магда.

Она обернулась. У неё были красные глаза и папка с расписанием, которую она держала так, будто это был щит.

— Родители пишут без остановки. Одни требуют закрыть школу. Другие требуют не закрывать. Третьи требуют объяснить, что случилось. Я не могу объяснить.

— А министр может? — спросила учительница химии.

— Министр сегодня утром сказал, что министерство... — Магда сглотнула. — В общем, ничего он не сказал.

— Значит, работаем? — спросила Ева.

Магда посмотрела на неё с благодарностью, которая выглядела почти как обида.

— Да. Пока дети здесь, мы работаем. Если кто-то хочет уйти, не держите. Если кто-то плачет, не обещайте, что всё будет хорошо.

— Очень конкретная инструкция, — сказал физик.

— Других у меня нет.

Первый урок у Евы был в восьмом «Б». Мия училась в восьмом «Г», на другом конце коридора. Обычно это её успокаивало: дочь не была у неё на виду каждую минуту, а значит, и Еве не хотелось тащить её за рукав перед всеми. Сегодня расстояние между двумя кабинетами казалось слишком большим.

В классе было непривычно тихо. Дети сидели с телефонами под партами, но не прятали их. Ева положила на стол «Короля Лира», который они читали вторую неделю, и написала на доске: КТО ИМЕЕТ ПРАВО ГОВОРИТЬ?

— Мы продолжаем с третьего акта, — сказала она. — Если у кого-то есть вопросы по тому, что происходит, можно задать до...

— Вы считаете меня бездарным? — спросил Арви с третьей парты.

Он сказал это без злости. В этом и была беда. Он не пытался её подловить, не смеялся вместе с соседями. Он просто смотрел на Еву и ждал.

Арви был худой, с постоянно обкусанными ногтями и вечной привычкой сдавать сочинения на день позже. На прошлой неделе Ева написала в его тетради: «Ты можешь лучше». Она писала это многим. Иногда — потому что правда так думала. Иногда — потому что не хотела писать то, что думала на самом деле.

— Нет, конечно, — начала она.

«Нет» не прозвучало.

Кто-то в классе ахнул. Арви побледнел, но не отвёл взгляда.

Ева почувствовала, как внутри всё сжимается. Можно было сказать: «Я не хочу отвечать». Это было бы честно. Но она уже видела его лицо.

— Ты не бездарный, — сказала она. — Ты просто почти никогда не делаешь то, что умеешь.

Арви посмотрел в тетрадь.

— Это хуже, — сказал он.

— Наверное.

После этого класс взорвался вопросами.

— А кто у вас любимчик?

— Вы правда думаете, что Рея списывает?

— Мой отец вам нравится?

— Почему вы мне поставили семь, если я написал лучше, чем Фарид?

— Вы считаете Мелу красивой?

Ева подняла руки.

— Стоп. Все стоп.

— А вы можете сказать, что это не имеет значения? — спросила Рея.

Ева застыла.

Кто-то нервно засмеялся. Не потому, что было смешно. Потому что все поняли, как именно вопрос попал в цель.

— Я могу сказать, что сейчас мы не будем это обсуждать, — ответила Ева.

— Это потому что вы не хотите отвечать?

— Да.

Их это не успокоило. Наоборот, будто на полу открылась дверца, из которой стало тянуть холодом.

Ева села на край стола.

— Слушайте. Я понимаю, почему вы спрашиваете. Но от того, что вы спросили, человек не становится вашим... Нет, не так. Вы не получаете другого человека целиком только потому, что задали вопрос. Понятно?

— Нет, — сказал Арви, не поднимая головы. — Если вы не можете соврать, почему не ответить?

Ева открыла рот. В коридоре звякнул звонок, хотя до конца урока оставалось пятнадцать минут. Потом звякнул ещё раз. Длинно, неровно. Кто-то из детей вздрогнул.

Дверь распахнулась. Вошла Магда, без папки, с телефоном в руке.

— В актовый зал, — сказала она. — Сейчас.

— Что случилось? — спросила Ева.

— На первом этаже мальчик выпрыгнул из окна.

В классе стало совсем тихо.

— Он жив? — спросила Рея.

Магда закрыла глаза.

— Да. Его уже увели к медсестре. Окно было низкое. Он... он жив.

— Почему? — прошептал Арви.

— Потому что в чате его спросили, правда ли он хочет, чтобы его не было, — сказала Магда. — И он ответил, что не знает.

Она услышала себя и резко прижала ладонь ко рту.

— В актовый зал, — повторила она. — И телефоны уберите. Пожалуйста.

В актовом зале дети сидели рядами, шумели, плакали, передавали друг другу телефоны под креслами. На сцене директор держала микрофон обеими руками. За её спиной висела выцветшая школьная эмблема: раскрытая книга и надпись «СЛОВО СОЕДИНЯЕТ».

— Я не могу сказать, что всё в порядке, — начала Магда.

Она замолчала. Несколько учителей обменялись взглядами. Ева увидела, как директор собирается с силами, не пытаясь подобрать красивую фразу.

— Я могу сказать, что мальчик жив. Он в больнице. Мы позвонили его семье. Сегодня никого не будут ругать за то, что он боится. Но я прошу вас...

Она запнулась.

— Нет. Не прошу. Я не имею права требовать. Просто перестаньте превращать друг друга в ответ.

Из последнего ряда поднялась рука.

— А вы умеете петь? — спросил маленький мальчик из шестого класса.

Ева сначала подумала, что не расслышала. Магда тоже.

— Что?

— Вы всё время говорите на линейках, что надо говорить честно. Вы умеете петь?

По залу прошёл тонкий смешок. Учитель физики закрыл лицо ладонью.

Магда посмотрела на мальчика. Потом на микрофон.

— Нет, — сказала она. — Я пою как сломанный чайник.

Смех прорвался сразу, громко, почти облегчённо. На несколько секунд весь зал стал обычной школой: дети смеялись, учителя качали головами, кто-то шептал другу на ухо.

Потом на экране у девочки в первом ряду всплыло сообщение. Она прочитала, побледнела, сунула телефон под юбку. Но соседка уже увидела.

— Это про тебя? — спросила она.

— Не твоё дело.

— Если не хочешь отвечать, значит, да.

Ева спустилась со сцены. Она шла между рядами и чувствовала, как у неё дрожат колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.